

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 49
DOI 10.17223/18137083/60/11

В. И. Рассадин, С. М. Трофимова

Калмыцкий государственный университет, Элиста

Тюрко-монгольские параллели среди терминов родства и свойства в монгольских языках *

Рассматриваются явные тюркские соответствия среди терминов по кровному родству и родству по браку в монгольских языках – халха-монгольском, бурятском, калмыцком и старописьменном монгольском, а также в некоторых их диалектах. Эти тюркизмы не образуют специальной системы, а являются единичными обособленными словами, наличие которых лишь свидетельствует о том, что некие тюркские племена с языком булгарского типа, будучи завоеваны монголами и перейдя на монгольский язык, все же многое сохранили из своего тюркского языка, употребляя тюрко-монгольскую гибридную лексику.

Ключевые слова: монгольские языки, халха-монгольский язык, бурятский язык, калмыцкий язык, диалекты, кровное родство, родство по браку, тюркские лексические элементы, историческое развитие, фонетическая адаптация, двуязычие, гибридная лексика.

Проблема тюрко-монгольской языковой общности давно уже волнует умы как западных, так и отечественных компаративистов. Возникнув свыше 300 лет тому назад в недрах сравнительно-исторического языкознания в Западной Европе, гипотеза о генетическом родстве тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков была подхвачена лингвистами и стала усиленно развиваться как алтайская гипотеза. Причем в процессе сравнительно-сопоставительного изучения этих язы-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ-МинОКН Монголии в рамках научного проекта № 14-24-03003а (м) «Тюрко-монгольская лексическая общность как результат взаимодействия тюркских и монгольских этносов».

Рассадин Валентин Иванович – доктор филологических наук, профессор, директор Научного центра монголоведных и алтаистических исследований Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова (ул. Пушкина, 11, Элиста, 358000, Россия; rassadin17@mail.ru)

Трофимова Светлана Менкеновна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова (ул. Пушкина, 11, Элиста, 358000, Россия; trofimovasm@mail.ru)

ков было замечено, что наибольшая близость существует между тюркскими и монгольскими языками. Это послужило основанием разрабатывать отдельно проблему тюрко-монгольской языковой общности и даже пытаться восстанавливать гипотетический тюрко-монгольский праязык. Так, например, один из классиков алтаистики В. Л. Котвич подсчитал, что тюркские и монгольские языки имеют около 50 % общих грамматических элементов и 25 % общей лексики [Котвич, 1962, с. 351]. Поскольку В. Л. Котвич не привел перечня этой общей тюрко-монгольской лексики, интересно выяснить, насколько он был прав. Особенно актуально установить, в каких тематических группах содержится наибольшее количество общей лексики, какие пласты лексики более проницаемы для иноязычных заимствований, а какие почти не проницаемы. При этом особый интерес вызывает происхождение этой общей лексики: является ли она действительно исконной тюрко-монгольской, наследницей тюрко-монгольского праязыка, или это результат иноязычного влияния, например, тюркского, происходившего в разные периоды истории монгольских племен в процессе контактирования монгольского этноса с тюркским и начавшегося еще в доисторическую эпоху на уровне монгольского и тюркского праязыков.

В статье мы ставим задачу проанализировать лексику монгольских языков, относящуюся к терминам кровного родства и родства по браку, так называемым терминам свойства, на предмет выявления среди них тюркских соответствий. При этом материал по древнетюркскому языку взят нами из «Древнетюркского словаря» [1969], кроме того, данные по древнетюркским, средневековым и современным тюркским языкам, а также архетипы тюркских лексем были нами взяты из «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. Лексика» [СИГТЯ]. При необходимости привлекались и имеющиеся словари современных тюркских языков. Данные по монгольским языкам были почерпнуты из старомонгольских словарей О. Ковалевского [1844–1849], К. Ф. Голстунского [1893–1895] и Дополнения к нему [Голстунский, 1896], Ф. Лессинга [Lessing, 1960], из четырехтомного «Большого академического монгольско-русского словаря» [2001–2002], двухтомного «Бурятско-русского словаря» [Шагдаров, Черемисов, 2010], «Калмыцко-русского словаря» [1977] и калмыцко-немецкого словаря Г. И. Рамштедта [Ramstedt, 1935], что обеспечило достаточную полноту и объективность сопоставляемого материала.

В результате проведенного сопоставления в данной лексико-семантической группе удалось выявить ряд явных тюрко-монгольских соответствий.

Aav, av (х.-монг.), *abu* (стп.-монг.) ‘папа, папенька, папаша, батя; отец, родитель’; *aba* (бур.) ‘отец, папа, батюшка’; *aav* [аавă] (калм.) ‘1) отец, папа, 2) дед, дедушка’; соответствуют тюрк.: др.-тюрк. *aba, apa* ‘отец’; *aba* ‘мать’; *apa* ‘1) старшая родственница, старшая сестра, 2) мать’; *aba* ‘прародитель; предки’.

Атаабай (окин.-бур.) ‘дед’, слово представляет собой фонетическое сращение слов *ата* и *баабай* с дальнейшей гаплогонимией. Оба эти слова тюркского происхождения: ср. др.-тюрк. *ata* ‘отец’ и *baba* ‘отец’.

Ax (х.-монг.), *aqa* (стп.-монг.) ‘1) старший брат, 2) старший в роду; старший; братья отца, 3) старейшина, староста, начальство; голова, глава, 4) дядя, 5) старший по летам, по возрасту’; *axa* (бур.) ‘1) старший брат, 2) старший’; *ax* [axă] (калм.) ‘1) старший брат, 2) старший, почтительное обращение к старшим, 3) старейшина, староста’; соответствуют др.-тюрк. *aqa* ‘старший брат’.

Aч (х.-монг.) ‘внук, внучка (по мужской линии), племянник, племянница (по брату); потомок’; *аша* (бур.) ‘внук (по мужской линии), племянник (по брату)’; *ач* [ачі] (калм.) ‘племянник, внук (по мужской линии)’; *ači* (стп.-монг.) ‘внук, внучка; племянник, племянница (по мужской линии)’; < *ati < * *atī* соответствуют др.-тюрк. *atī* ‘внук, племянник (сын младшего брата)’.

Баавай (х.-монг., диал.), *babai* (стп.-монг.) ‘батюшка, отец, папа’; *баабай* (бур.) ‘отец, папа’, ‘дед, бабушка’, ‘предок, праотец’ (редко), ‘божество, дух-хозяин (например, горы (шаман.))’; (мухор., джид.) ‘старший брат, старшая сестра’, (сел.-цонг., бич.) ‘старшая сестра’; *баав* [баавă] (калм.) ‘1) батюшка; 2) Баав (мифический праотец калмыков)’, (дербет.) ‘1) отец, папа, 2) дядя’, (торгут.) ‘1) мама, 2) тетя (по отцовской линии)’; соответствуют др.-тюрк. *baba* ‘отец’.

Баз (х.-монг.), *baža* (стп.-монг.) ‘свойки, мужья родных сестер’; *база* (бур.) ‘своyak’, *баз* [базă] (калм.) ‘1) своики (мужья родных сестер), 2) невестки (жены родных братьев)’; соответствуют тюркскому *baža* ‘своyak, своики (мужья родных сестер)’, который в этой форме представлен почти во всех современных тюркских языках, а его тюркская праформа дается как *baža [СИГТЯ, с. 310].

Бул (х.-монг.), *bülü* (стп.-монг.) ‘двоюродный брат по матери, сын сестры матери; двоюродная сестра (по матери); дети сестер’; *булэ* (бур.) ‘двоюродный брат, двоюродная сестра (по материнской линии)’; *бөл* [бөлё] (калм.) ‘двоюродные братья и сестры’; соответствуют тюркскому *bülü*, которое бытует также в формах *bölö, böle, bülö, bile, bele, bola, bula, bülä, pölö, pöle* [СИГТЯ, с. 293–294] со значением ‘двоюродные братья и сестры’ и восстанавливает для тюркских языков праформу в виде *bölö.

Зээ (х.-монг.), *jige* (стп.-монг.), *зээ* (бур.), *зе* [зее] (калм.) ‘внук, внучка (по дочери); племянник, племянница (по материнской линии)’; соответствуют древнетюркскому *jegän, jegin* ‘племянник’. Как утверждается в [СИГТЯ, с. 291], это слово повсеместно представлено в тюркских языках в форме *jegän, jegin, jigän, jegen, jeken, jejen, jäkän, je:n, jiğen, jejen, jijän, jijen, žijen, žigän, že:n, d’e:n, če:n, hé:n, sien* со значением ‘племянник, племянница’, тюркская праформа дается как *jegen.

Ихэр (х.-монг.), *ikere* (стп.-монг.), *эхур* (бур.) ‘близнец, близнецы; двойня, двойняшки’; *икр* [икёр] (калм.) ‘близнец, близнецы’ являются явным тюркским заимствованием, ср. др.-тюрк. *ekiz* ‘близнецы’, образованное от тюрк. *eki* ‘два’, причем прототипом для монгольской словоформы *ikere* послужила ротацирующая форма, характерная для болгарского языка, сохранившаяся в современном чувашском языке в виде *jëkër* ‘близнецы, двойня’. Как свидетельствует [СИГТЯ, с. 290], данная лексема повсеместно бытует в тюркских языках в форме *ekiz, egiz, egis, ägiz, ikkiz, ikiz, ikis, igiz, igid, igis, ijis, jegiz, äkiz, äjiz, ikärä, igire / igiri / igirie* со значением ‘близнецы, двойня’, ее тюркская праформа дается в виде *jekiz.

Ураг (х.-монг.), *uruγ* (стп.-монг.) ‘1) родственник, родня; свойственник (по жене); потомок, отпрыск данного рода, родной, сородич, 2) плод’; *ураг* (бур.) ‘родственник, родня, свойственник (по жене)’; *ург* [урăг] (калм.) ‘плод; семя’, ‘родственник, родня’; соответствует др.-тюрк. *uruγ* ‘род, потомство’. Как утверждает СИГТЯ, «это слово относится к древнему пласту тюркской лексики, что подтверждается разнообразием фонетических изменений его форм. Изменениям подверглись начало и конец слова» [СИГТЯ, с. 307]. В тюркских языках данная лексема представлена в форме *uruq, uruk, uruγ, уруw, ruu, uruw, ури, uruγ, ujuq, ojoq, ujuγ, vürä* со значениями ‘семя, зерно, косточка плода’, ‘род’, ‘поколение, потомство’, а также в некоторых языках – ‘дитя’, ‘младший брат’, ‘свадьба’. В казахском языке произошло обособление фонетических вариантов некогда единого слова и закрепления за ними разной семантики: *uruq* ‘семя, зерно’ – *uruw* ‘род, племя’. Тюркская праформа восстанавливается в виде *uruq.

Ураг тариг (х.-монг.), *uruγ tariγ* (стп.-монг.) ‘все родственники, вся родня’ [Голстунский, 1893, т. 3, с. 606; Ковалевский, 1849, т. 3, с. 16696]; соответствует древнетюркскому *uruγ tariγ* ‘родственники’, современным тувинскому *уруг-дарыг* ‘дети, детвора’ и тофаларскому *уруг-дарыг* ‘все родные дети; все родственники в совокупности’. При этом каждый компонент этого парного слова в тюркских языках имеет еще другие значения, например: в др.-тюрк. *uruγ* ‘зерно, семя, кос-

точка; род, потомство’, а *tariy* – ‘зерно, злаки, хлеб, просо’ < тюрк. *tari*= ‘сеять хлеб, заниматься хлебопашеством’.

Хадам (х.-монг.), *qadam* (стп.-монг.) ‘родня по мужу, жене’; *хадам* (бур.), *хадм* [хадъм] (калм.) ‘свойственник, родня по мужу или жене’; соответствуют др.-тюрк. *qadın* ‘отец жены, тесть’, ср. также др.-тюрк. *qadın* ‘тесть’; *qazım* ‘отец жены, тесть’; родственники-мужчины по браку’; *qajın* ‘тесть’. Это слово представлено в современных тюркских языках в форме *kajın*, *gajın*, *qajın*, *qejın*, *kejın*, *hazın*, *kadın* с обобщенным значением ‘родственник по браку’, его тюркская праформа дана в виде *qajın [СИГТЯ, с. 309].

Хатан (х.-монг.), *qatun* (стп.-монг.) ‘1) княгиня, 2) госпожа; знатная дама’; *хатан* (бур.) ‘1) ханша, царица, императрица, 2) государыня, 3) княгиня, 4) госпожа, барыня’; *хатн* [хатән] (калм.) ‘царица, княгиня’; соответствуют др.-тюрк. *qatun* ‘1) госпожа, вельможная дама, женщина знатного происхождения, 2) жена правителя, знатного человека’. В современных тюркских языках [СИГТЯ, с. 296–297] употребляется главным образом вариант с *-ы-* во втором слоге: *qatyn*, *xatyn*, *kadyn*, *gadyn*, *xat*, *qat*, *kadyt*, *kadaj*, лишь уйгуры и якуты используют вариант с огубленным гласным во втором слоге, как и древние тюрки: уйг. *hotun*, як. *xotun*. Тюркская праформа восстанавливается в виде *qatyn со значениями ‘жена, супруга, госпожа’ и ‘женщина’.

Худ (х.-монг.), *quda* (стп.-монг.) ‘сват, кум’; *худа* (бур.), *худ* [худă] (калм.) ‘сват’; соответствуют тюркскому термину *quda* ‘сват’ весьма широко представленному в тюркских языках в форме *quda*, *kuta*, *qoda*, *kota*, *guda*, *qoda*, *xoda*, *xodo*, *xäta*/*xäda* [СИГТЯ, с. 310], здесь же дана тюркская праформа этого слова в виде *quda.

Худууй (х.-монг.), *qudayui* (стп.-монг.) ‘сватья, кума’; *худагы* (бур.) ‘сватья’; соответствуют тюркской словоформе *qudayaj* ~ *qudayuj* ‘сватья’ [СИГТЯ, 310].

Хүргэн (х.-монг.), *kürgen* (стп.-монг.), *хурьгэн* (бур.) ‘зять (муж дочери)’; *күргн* [күргән] (калм.) ‘1) зять, 2) жених’; состоят из двух частей: корневого элемента *kür-*, а возможно и **küri-*, и аффикса *-gen*, который прослеживается еще, например, в монгольских словах *bergen* ‘жена старшего сына, старшая невестка’ (< *beri* ‘жена младшего сына, младшая невестка’), *gergen* ‘жена, супруга’ (< *ger* ‘дом’), а также в словах типа *temegen* ‘верблюд’ (< др.-тюрк. *tebä* ‘верблюд’). Корень *küri* представлен в сочетании *küri degüü* (х.-монг. *хүр дүү*) ‘младший брат жены’, ср. калм. *күр дү көвүн* ‘младший шурин’. В бурятском языке в результате фонетического сращения слов *küri* и *ага* развились разные по говорам словоформы: в боханском говоре *хуряаха* это ‘муж сестер (в устах брата)’, у аларских и кабанских бурят это ‘жених’, в хоринском говоре *хуряахай* – ‘муж сестры; зять’, у булагатов *хуряахан* – ‘муж, супруг’. О том, что *küri* означает ‘зять’, говорит бурятская форма *хурьгэн*, развившаяся из *kürigen. Это монгольское *küri* следует сопоставить с чув. (т. е. протобулгарской) формой *këri* ‘зять’ (ротацирующая форма). В древнетюркских памятниках слово фиксируется как *küdagü*, *küdagü* ‘зять’, в современных тюркских языках отмечены формы *güwej*, *güwä*, *gijev*, *gijew*, *kijäw*, *kejäv*, *küjow*, *küjew*, *küjö*, *küjü*, *kizä*, *küzä*, *küde*., *kütüö* [СИГТЯ, с. 297–298]. Тюркский архетип восстанавливается в виде *küdagü.

Эр (х.-монг.), *er-e* ‘1) мужчина; муж, 2) военнообязанный, подданный, мужик, 3) самец, 4) физическая сила, 5) мужество, храбрость’; *эрэ* (бур.) ‘1) мужчина; муж, 2) самец’; *эр* [эрэ] (калм.) ‘1) мужчина, 2) самец’; соответствуют др.-тюрк. *er* ‘1) муж, мужчина, 2) муж, супруг, 3) мужской’, ср. также древнетюркские производные слова: *erän* ‘муж, мужчина, воин’; *erkäk* ‘1) муж, мужчина, 2) самец’; *erdäm* ‘1) достоинство, доблесть, добродетель, 2) доблестный’. Как утверждается в [СИГТЯ, с. 303], вариант *er* представлен в подавляющем большинстве древних, средневековых и современных тюркских языков, его главное значение – ‘муж, супруг, мужчина’, другие значения вторичные: ‘герой’, ‘храбрец, богатырь’, ‘ви-

тязь, воин', 'молодец', 'господин', 'мужественный, храбрый (человек)', 'человек', 'мужество', 'сила, энергия'. Начальный *j*- сохранился лишь в языках: каз., сарыг-юг. *jer*, узб. диал. *jär*. В некоторых языках представлены иные формы: чув. *ar*, уйг. диал., лобнор. *ej*, уйг. диал. *e:~ä:*. Тюркская праформа восстанавливается в виде *jer.

Как можно видеть из приведенного выше перечня явных тюркских соответствий среди пласта терминов монгольских языков, отражающих кровное родство и родство по браку, тюркизмы не составляют какой-либо системы, будучи одинокими терминами. Их наличие может лишь говорить о том, что некие тюркские племена, носители языка болгарского типа, будучи завоеваны монголами и перейдя на монгольский язык, все же сохранили многое из своего тюркского языка, в результате образовалась гибридная тюрко-монгольская лексика при сохранении монгольской грамматики.

Список литературы

- Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 т. М.: Academia, 2001–2002.
- Голстунский К. Ф. Монголо-русский словарь: В 3 т. СПб., 1893–1895.
- Голстунский К. Ф. Дополнения к Монгольско-русскому словарю. СПб., 1896. 91 с.
- Древнетюркский словарь. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. 677 с.
- Калмыцко-русский словарь. М.: Рус. яз., 1977. 765 с.
- Ковалевский О. Монгольско-русско-французский словарь: В 3 т. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1844–1849.
- Котвич В. Л. Исследования по алтайским языкам. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. 371 с.
- СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001. 822 с.
- Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряд-оруд толи = Бурятско-русский словарь: В 2 т. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010.
- Lessing F. Mongolian-English Dictionary. Berkley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1960. 1218 p.
- Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935. 411 S.

Список использованных языков и диалектов

Бич. – бичурский говор бурятского языка; **бур.** – бурятский язык; **дербет.** – дербетский говор калмыцкого языка; **джид.** – джидинский говор бурятского языка; **др.-тюрк.** – древнетюркский язык; **каз.** – казахский язык; **калм.** – калмыцкий язык; **лобнор.** – лобнорский язык; **мухор.** – мухор-сибирский говор бурятского языка; **окин.-бур.** – окинский говор бурятского языка; **сарыг.-юг.** – сарыг-югурский язык (язык желтых уйгуров); **сел.-цонг.** – селенгинско-цонгольский говор бурятского языка; **стп.-монг.** – старописьменный монгольский язык; **торгут.** – торгутский говор калмыцкого языка; **тюрк.** – тюркский язык; **узб.** – узбекский язык; **уйг.** – уйгурский язык; **х.-монг.** – халха-монгольский язык; **чув.** – чувашский язык; **як.** – якутский язык. **Диал.** – диалект.

V. I. Rassadin, S. M. Trofimova

Kalmyk State University, Elista, Russian Federation
trofimovasm@mail.ru

**Turkic-Mongolian parallels
among terms of consanguinity and connection in Mongolian languages**

This paper deals with obvious Turkic correspondences in terms of consanguinity and kinship by marriage in the Mongolian languages – Khalkha-Mongolian, Buryat, Kalmyk and ancient written Mongolian and also in some of their dialects. The presence of Turkic lexical parallels in these Mongolian languages is due to Turkic and Mongolian ethnic groups having been contacting and interacting in the Central Asia for many millennia. Their parent languages refer to the number of so-called Altaic languages to which scientists also rank Tungus-Manchu and Korean languages, with the question of attributing to them the Japanese language still being debated. This hypothesis of relationships of the Altaic languages has been discussed in the world of science for more than three hundred years, but it has not been solved yet. There are different opinions about the development of the Altaic family of languages also there are controversial points of view on the nature of the Altai linguistic community. One group of scientists unquestioningly considers all correspondences between the Altaic languages in grammar and vocabulary to be a heritage of the common Altaic parent language. The other group of scientists without denying the relationship of the Altaic languages are trying to explain the presence of such a large amount of General grammar, especially lexical parallels, in particular between the Turkic and Mongolian languages, through the ancient contacts as far back as at the level of the Turkic and Mongolian parent languages. Of great importance here is the identification of lexical borrowings, the Genesis of which is clearly seen and raises no doubt. It is necessary to identify the words obviously of Turkic origin in Mongolian languages as well as the words clearly of the Mongolian origin in the Turkic languages. Their presence indicates the undoubted contacts of ethnic groups. Our task in this particular case is to determine the relationships and features of Mongolian words obviously of Turkic origin in the vocabulary, the genesis of which is confirmed by Turkologists. Here we see, for example, such Mongolian lexemes as names of the father and mother, the grandfather and the great-grandfather, grandsons and granddaughters on the father's side, grandsons and granddaughters on the mother's side, nephews and nieces on the father's and mother's sides, cousins (brothers and sisters), brothers-in-law and matchmakers and a number of other close relatives and relatives by marriage. It shows only close and deep relationships of the Turkic and Mongolian ethnic groups existing from ancient times, including the marriage that was reflected in the Mongolian languages and their vocabulary.

Keywords: Mongolian languages Khalkha Mongolian language, Buryat language, Kalmyk language, dialects, kinship, kinship by marriage, Turkic lexical elements, historical development, phonetic adaptation, bilingualism, hybrid vocabulary.

DOI 10.17223/18137083/60/11

References

- Bol'shoy akademicheskiy mongol'sko-russkiy slovar': V 4 t.* [Great academic Mongolian-Russian dictionary: in 4 vols]. Moscow, Academia, 2001–2002.
- Golstunskiy K. F. *Mongolo-russkiy slovar': V 3 t.* [Mongolian-Russian dictionary: in 3 vols]. St. Petersburg, 1893–1895.
- Golstunskiy K. F. *Dopolneniya k Mongol'sko-russkomu slovaryu* [Additions to Mongolian-Russian dictionary]. St. Petersburg, 1896, 91 p.
- Drevnyeturkiski slovar'* [Old Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka, Leningr. otd-nie, 1969, 677 p.
- Kalmytsko-russkiy slovar'* [Kalmyk-Russian dictionary]. Moscow, Russkiy yazyk, 1977, 765 p.

Kovalevskiy O. *Mongol'sko-russko-frantsuzskiy slovar'*: V 3 t. [Mongolian-Russian-French dictionary: in 3 vols]. Kazan': Izd. Kazanskogo univ., 1844–1849 p.

Kotvich V. L. *Issledovaniya po altayskim yazykam* [Studies of Altaic languages]. Moscow, Izd. inostrannoy lit., 1962, 371 p.

Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika [Grammar of Turkic languages in comparative historical aspect. Vocabulary]. Moscow, Nauka, 2001, 822 p.

Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Buryaad-orod toli. *Buryatsko-russkiy slovar'*: V 2 t. [Buryat-Russian dictionary: in 2 vols]. Ulan-Ude, Respublikanskaya tipografiya, 2010, 636 p.

Lessing F. *Mongolian-English Dictionary*. Univ. of California Press, Berkley and Los Angeles, 1960, 1218 p.

Ramstedt G. J. *Kalmückisches Wörterbuch*. Helsinki, 1935, 411 p.